

**jan-pieter
barbian**

**literaturpolitik
im ns-staat**

**von der
»gleichschaltung«
bis zum ruin**

**ян-питер
барбиан**

**литературная
политика третьего
рейха**

**книги и люди
при диктатуре**

**Individuum,
Москва, 2026**

**Перевод с немецкого
Сергея Ташкенова**

УДК 32+9
ББК 63.3(4Гем)6
Б24

Барбиан, Ян-Питер.

Б24 Литературная политика Третьего рейха. Книги и люди при диктатуре / Ян-Питер Барбиан; [пер. с нем. С. Ташкенов] — М.: Individuum, Эксмо, 2026. — 336 с.

ISBN 978-5-04-218839-8

Сожжение десятков тысяч книг 10 мая 1933 года на Опернплац в Берлине — а затем и по всей Германии, — стало прелюдией к всеобъемлющему процессу утверждения и развертывания тоталитарной политики Третьего рейха в сфере литературы. Используя множество различных источников, историк Ян-Питер Барбиан — главный знаток дискурса об угнетателях и угнетенных, властителях и подвластных, — рассказывает историю о том, как книжный рынок стал важнейшей опорой политической пропаганды. Контроль над писателями, издателями, книжными магазинами и библиотеками, их преследование, а также расцвет самоцензуры: в книге воссоздается подробная картина подавленного диктатурой общества, в котором каждый, кто не высказался против, неминуемо становится функциональной частью системы подавления свободы и независимости, будь то писатель, редактор или даже обычный посетитель библиотеки.

УДК 32+9
ББК 63.3(4Гем)6

Originally published as «Literaturpolitik im NS-Staat: Von der „Gleichschaltung“ bis zum Ruin» by Jan-Pieter Barbian

Copyright © S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2010

© С. Ташкенов, перевод с немецкого, 2026

© ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-218839-8

Individuum®

ОГЛАВЛЕНИЕ

введение	11
глава 1. смена кадров — смена медиа: от веймарской республики к третьему рейху	27
1. Разрыв с демократическим плюрализмом и международным курсом немецкой литературы 27	
2. Реорганизация книжного рынка 41	
3. Реорганизация публичных и научных библиотек 62	
глава 2. институционализация медиа-диктатуры и ее власть над книгой	73
1. Госорганы 73	
2. Гестапо и Служба безопасности 118	
3. Важнейшие партийные органы 126	
4. Аппарат вермахта по делам письменности 150	
глава 3. книга в медиа-диктатуре: перспектива властей	157
1. Персональный контроль над писателями 157	
2. Регламентированный книжный рынок 179	
3. Книжная экономика и книжная пропаганда 251	
4. Контроль книжного ассортимента: публичные и научные библиотеки 271	
5. Книгоснабжение вермахта во время Второй мировой войны 286	
6. Борьба с дефицитом книг в тылу 291	
глава 4. книга в медиа-диктатуре: перспектива подвластных	301
1. Пределы и возможности производства литературы: писатели 301	
2. Книжный рынок между политикой, экономикой и профессиональной этикой: издатели и книготорговцы 322	
3. Политизация профессии: библиотекари 353	
4. Между публичной пропагандой и индивидуальными потребностями: читатели 375	
оглядываясь назад: «эксперимент провалился»? роль книги в нацистской медиа-диктатуре	391
примечания	407
список сокращений	488
список источников и литературы	493

Вальтер Беньямин, Людвиг Фульда, Георг Герман, Франц Гессель, Бертольд Якоб, Гертруда Кольмар, Вальтер Ландауэр, Теодор Лессинг, Ганс Литтен, Эрих Мюзам, Карл фон Осецкий, Эльза Ури — памяти этих и многих других писателей, уничтоженных немецкими национал-социалистами, посвящается эта книга.

История, какой мы ее проживаем — редко когда в иные, благоприятные столетия она проживалась иначе, — отвратительно интимна. Она мала, при всей обширности ее ужаса.

Генрих Манн, «Обзор века», 1946

Дорогой друг, нас родили неправильно. Вот почему мы назначили Геббельса нашим Пропа-Ганди.

Курт Тухольски в письме Вальтеру

Хазенклеверу, 11 апреля 1933

В то время на волне гляйхшальтунга — а он был вполне добровольным, в любом случае, еще не под давлением террора — вокруг тебя словно формировалась пустота. Я жила среди интеллектуалов, но была знакома и с другими людьми. И я поняла, что среди интеллектуалов гляйхшальтунг был, так сказать, правилом. Но не среди этих других. И я никогда об этом не забывала.

Ханна Арендт в беседе с Гюнтером Грассом,

28 октября 1964

Достаточно понять, чего же мы хотим. А хотим мы одного: никогда больше не покоряться мечу, никогда больше не признавать силу, которая не служит духу. Правда, задача эта необъятная. Но наше дело — не отступать перед нею.

*Альбер Камю, «Миндальные рожи», 1940**

* Пер. с франц. Н. Галь. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

ВВЕДЕНИЕ

В наш век, когда телевидение и интернет, особенно в так называемых социальных сетях, определяют общественный дискурс, а социальная значимость культуры чтения в Германии неуклонно снижается, обстоятельное исследование роли книги во времена нацистской диктатуры кажется почти анахронизмом. Однако «эксперимент Геббельса», генезис, структуру и влияние которого впервые проанализировали эмигрировавший из Вены журналист Артур Вайденфельд и его коллега по BBC Деррик Сингтон в 1942 году, не утратил непреодолимой заманчивости и по сей день¹. Тщеславный рейхсминистр народного просвещения и пропаганды позаботился об этом лично. Помимо публикации многочисленных книг, передовиц и эссе для прессы, Геббельс записывал свою жизнь и работу с 1923 по 1945 год в «Дневниках». По словам его коллеги Вернера Штефана, «в течение долгих лет он каждое утро тратил много времени и сил на диктовку фактов и мыслей, чтобы оставить как можно более благоприятное представление о себе в будущем»². Вопрос, «как сохранить для потомков записи военного времени, также занимал мысли Геббельса». В конце концов он решил сдать полную копию на фотопластинках в хранилище Рейхсбанка. В 1945 году вихри немецкой истории привели «Дневники» из Берлина в Москву, научное издание рукописных записей 1923–1941 годов и диктовок с июля 1941 по апрель 1945 года стало доступно широкой публике в 25 томах только в 1993 году³. Этот «уникальный по важности источник» раскрывает кадровую и институциональную структуру, установки и ожидания государственного и партийного руководства, механизмы осуществления власти и взаимодействия между властителями и подвластными⁴. Давший такую оценку Бернд Зёзман также предупреждал о риске упустить из виду характерные для «Дневников» апологию и со-

здание мифов и легенд, как в отношении самого рейхсминистра пропаганды, так и нацистского государства в целом. Избежать этого можно, только поместив «Дневники» в контекст других источников: дополняя, сравнивая, противопоставляя, чтобы таким образом приблизиться к реалиям эпохи с 1933 по 1945 годы.

Однако создание мифов и легенд началось не с захвата власти Гитлером 30 января 1933 года и не ограничилось нацистской диктатурой. Герман Штрезау, в апреле 1933 года по политическим причинам уволенный с должности библиотекаря в Берлине и впоследствии вынужденный зарабатывать писательством и переводами, 14 сентября 1933 года записал в дневнике: «Вот так и литература, литературная индустрия [Веймарской республики], приобрела размах, порождавший ложные представления о ее истинной роли в жизни. Что, благодаря своему массовому характеру, казалось расцветом, в лучшем случае было иллюзией процветания или болезнью гипертрофии. Литература, надо отдать ей должное, отнюдь не обходила стороной социальные проблемы, напротив; но в ней стало слишком много литературы. В принципе, политическую жизнь это практически не затронуло, и скорее политика использовала литераторов, нежели последние представляли из себя какую-то интеллектуальную власть. Настоящая же поэзия встречалась редко и обладала еще меньшим влиянием»⁵. Столь же критично в 1962 году на два противоположных полюса «двадцатых», романтизируемых после 1945 года, указывал Теодор Адорно: «мир, который мог измениться к лучшему, и мир, возможность которого разрушила установившаяся власть, вскоре обнажившая собственный фашизм, а также амбивалентность искусства, действительно характерную для двадцатых годов и не имеющую ничего общего с расплывчатым и противоречивым представлением о классиках модерна». Катастрофа, последовавшая за двенадцатью годами диктатуры, была для философа в годы Веймарской республики «порождением ее социальных конфликтов, даже в сфере того, что принято называть культурой»⁶. Примерно тогда же Хельмут Плеснер свел культурный расцвет Веймарской республики к Берлину: «Его наивный снобизм [...] поощрял и ослаблял его специфические возможности перевалочного пункта для самых высоких требо-

ваний, рынка безжалостной конкуренции за сбыт неслыханного, от которого зависело разочарованное послевоенное поколение, конформное в своей обусловленности рыночной экономикой, осознающее свою рыночную рентабельность и осознанно с ней играющее; приходилось учитывать успех у анонимной аудитории и внутреннюю актуальность, которую требовало само дело»⁷.

Однако «змеиное яйцо» гитлеровской диктатуры, развитие которого Эужени Щаммар наблюдал в Германии в качестве иностранного корреспондента каталонской ежедневной газеты с осени 1922 года, вылупилось также в Берлине; как отметил Эрхард Шютц, нацистское движение вышло на политическую арену «не как грехопадение, эксцесс или противник современности, а как ее интегративная часть»⁸. Заступив в 1926 году на должность гауляйтером* НСДАП в столице рейха, Геббельс разработал совершенно новые методы для своей политической «борьбы за Берлин»⁹. Герхард Пауль подробно проанализировал «восстание образов», которое Гитлер, Геббельс и их соратники подняли против Республики, прежде всего в столице рейха, а также в провинциальных городах, таких как Мюнхен, Нюрнберг и Веймар¹⁰. Для каждой избирательной кампании в период с 1928 до 1933 года существовали отдельные сценарии, гибкие средства пропаганды во всех доступных медиа-форматах (митинги, демонстрации, изображения, символы, пресса, кино и радио), инсценировка фиксированного репертуара контрреволюционных образов и понятий. Однако успех в ликвидации Веймарской республики и приход НСДАП к власти скрывал промахи нацистской пропаганды в «период борьбы». Ее содержание не отличалось оригинальностью, а организация была неэффективной. В частности, «недораскрытие утопического дискурса в пользу дискурса освобождения и спасения» оказалось нелегким бременем для первых

* Вновь введенным нацистами в обиход понятием «гау» с 1926 года обозначались существовавшие параллельно с «землями» административные единицы Третьего рейха, точнее говоря, территориальные области НСДАП, партийно-избирательные округа, число которых к 1941 году достигло 41 гау. Аннексированные нацистской властью территории разделялись на «рейхсгау». Планировалось, что после окончательной победы Гитлера эта структура сменит традиционный «земельный» строй Германии. Соответственно, гауляйтер — букв. «руководитель области».

лет после 1933 года: «Поскольку национал-социализм не мог предложить никакой „положительной“ конкретики, ему требовалось находить все более сильные эмоционально-эстетические наркотики и постоянно создавать новые образы врага, против которых нужно было мобилизовать своих приверженцев»¹¹.

Хотя элементы пропаганды заимствовались из борьбы НСДАП против Веймарской республики, передача рейхсканцелярии Гитлеру 30 января 1933 года привела к фундаментальным изменениям в самосознании и в используемых методах. Военственную демонстрационную и агитационную пропаганду должна была сменить поддерживающая государственный порядок интегративная пропаганда, которая, однако, с самого начала включала в себя террор как «ложного близнеца»¹². На первом этапе «разросшиеся и институционализированные коммуникационные возможности» пали жертвой процесса трансформации, управляемого государством и партией¹³. Публичные, равно как и частные институты, партии, профессиональные ассоциации и объединения эпохи Веймарской республики были полностью расформированы — законами, силой, эрозией — или подвергнуты «глейхшальтунгу»*. В процессе нейтрализации демократических структур свободу утратили и средства массовой информации: книги запрещались и сжигались, печать газет и журналов прекращалась или регулировалась, радио и кино национализировались. По словам Тимиана Буссемера, это означало, что «старые институты [...] исчезли из поля зрения, но структуры дискурса и культурные практики остались». С одной стороны, нацистское государство монополизировало и диктовало публичную коммуникацию по вопросам политики, культуры, экономики и общества, с другой стороны, оно брало на вооружение и неполитические темы, желания и потребности населения, вкладывая огромное количество энергии и финансов в их удовлетворение.

* *Gleichschaltung* — «унификация», «уравнивание», «приспособление», «приобщение» предприятия, человека или любой сферы жизни к государственной идеологии, строящееся на безоговорочном подчинении. Виктор Клемперер слышал в этом слове «щелчок кнопки, приводящей людей [...] в движение, единообразное и автоматическое» (*Клемперер В. ЛГП. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998*).

Только этой амбивалентностью «интеграционной пропаганды» можно объяснить, почему современная индустрия досуга и развлечений, процветавшая во времена Веймарской республики, выжила при нацистской диктатуре. Даже во время Второй мировой войны, когда пропаганда была сосредоточена на контролируемом распространении новостей, на призывах к готовности немецкого народа идти на жертвы и, наконец, на мотивационных лозунгах «окончательной победы», режим старался поддерживать в народе хорошее расположение духа. 30 декабря 1941 года Геббельс отмечал в «Дневнике»: «Несомненно, в настоящее время немецкий народ испытывает очень сильную потребность в чистых развлечениях — не только дома, но и на фронте, поэтому, занимаясь войной, мы поступаем верно, в то же время заботясь о том, чтобы народ необходимым образом мог снять напряжение через искусство, театр, кино и радио. Народ имеет на это право»¹⁴. «Искусство пропаганды» заключалось для Геббельса в том, «чтобы в каждом конкретном случае приспособливаться к новому состоянию и не управлять народом, не выходя из кабинета. Пропаганда — не догма, а искусство эластичности». Буссемер приходит к выводу, что «при поверхностном рассмотрении казалось, что рецепиентами национал-социалистической пропаганды манипулируют, в действительности же они сами активно выбирали, какую часть пропаганды принять и популяризировать»¹⁵.

Чтобы объяснить несоответствие между намерениями, пропагандируемыми национал-социалистами, и реальностью немецкой жизни 1933–1945 годов, Ханс Дитер Шефер диагностировал «раздвоение сознания» как маркер эпохи¹⁶. По сути, оно оказалось результатом сосуществования национал-социалистической и фёлькиш-идеологии* как с национал-консервативными ценностями, так и с моделями поведения, передававшимися со времен императора Вильгельма II, и с элементами социального и культурного модерна Веймарской республики, и с попытками

* Фёлькиш (нем. *völkisch* от *Volk* — «народ») — одна из центральных категорий этнического расизма и антисемитизма Германии, вариация понятия «народного», в конце XIX века сменившая концепт «национального»: прилагательное позволяло апеллировать к большим массам, включая в мировоззрение компоненты арийско-неоязычества.